

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 549-557, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 947.072

Scripts liberation of Peasants in Russia in the First Quarter of the XIX-th Century in the Reflection of Rumors, Petitions and Noble Projects

Dmitrii V. Timofeev

¹ Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences, Russian Federation

Sofia Kovalevskaya street 16, Ekaterinburg, Sverdlovsk region, 620990

² Ural Federal University, Russian Federation

Pervomaiskaja street 62, Ekaterinburg, Sverdlovsk region, 620075

Dr (History), Leading Researcher

E-mail: dmitrtim@ru

Abstract

On the basis of archival materials presents the basic "scenario" emancipation of the serfs in the first quarter of XIX-th century. A comparative analysis of the investigation of cases of dissemination of "unlawful speeches", denunciations, notes and projects identified the following options for addressing the issue of serfdom: the scenario of "external release," "liberation by the initiative of the Russian Emperor" by transferring the peasants on public lands and the payment of money compensation; exemption with the transition to a "new state" scenario "deferred liberation." Comparative analysis of the stories about the role of the state, the rate and conditions of the peasants of freedom, led to the conclusion about the existence in the minds of Russian citizens community paternalistic attitudes. Waiting initiative on the part of the state not only significantly slowed the development process of reform, but also contributed to the formation directly opposite behaviors aimed at the use of forced labor.

Keywords: peasant question in Russia; history of Russia in the first quarter of the XIX century; projects abolition of serfdom; rumors; reforms in Russia of the XIX century; history of social thought.

Введение

На рубеже XVIII–XIX вв. одной из актуальных проблем, активно обсуждаемых как в правительственных кругах, так и в российских журналах, становится проблема повышения эффективности помещичьего хозяйства и ускорения темпов развития отечественной промышленности. В процессе поиска вариантов решения данной проблемы высказывались различные оценки эффективности труда «подневольных» крестьян по сравнению с трудом «вольнонаемных работников». Одновременно на страницах российских журналов неоднократно публиковались материалы о несовместимости «рабства крестьян» с нормами христианской морали. Существовая относительно независимо друг от друга, экономический и морально-этический контексты осмысления проблемы «рабства» крестьян в России порождали в обществе надежды и опасения, связанные с возможным освобождением крепостных. Дополнительным фактором, укреплявшим такого рода ожидания и тревоги, было издание указа 12 декабря 1801 г., в соответствии с которым всем лицам «свободных состояний», включая государственных крестьян, было даровано право приобретения ненаселенных участков земли, и указа 20 февраля 1803 г. «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных» [1, т. XXVI, №20.075, с. 862–863; т. XXVII, №20.620, с. 462–463]. На фоне либеральных заявлений Александра I любые, даже самые незначительные, изменения в российском законодательстве воспринимались как свидетельство интереса верховной власти к крестьянскому вопросу. В сложившейся обстановке ожидания социальных преобразований, с одной стороны, порождали множество слухов и домыслов о намерениях верховной власти и наиболее вероятных условиях освобождения, а с другой стороны,

служили дополнительным стимулом для представителей либерально настроенной части дворянства предложить императору свои соображения по крестьянскому вопросу.

Материалы и методы

Одновременное существование как формальных, так и неформальных каналов «обсуждения» крестьянского вопроса, обуславливает необходимость использования *сравнительно-контекстуального метода*, нацеленного на выявление сходств и отличий в содержании слухов, прошений и дворянских проектов решений крепостной проблемы. Анализ используемых в данном исследовании источников предполагает сопоставление ответов современников исследуемого времени на ключевые, непосредственно связанные с ожиданиями отмены крепостного права вопросы. В данном контексте основными смысловыми единицами для проведения сравнительно-контекстуального анализа являются, зафиксированные в следственных материалах о распространении слухов, прошениях и проектах, ответы на следующие вопросы: а) кто может быть инициатором проведения преобразований; б) какой новый статус приобретают крестьяне после освобождения от власти помещика; в) кто и каким образом должен компенсировать экономические потери помещикам.

Источниковую основу данного исследования составляют документы, отложившиеся в фондах Российского исторического архива (РГИА): 1) материалы следствия по делам о распространении «недозволенных речей», анонимные записки и прошения, составленные от имени крестьян (Ф. 1163. – Высочайше утвержденный 13 января 1807 г. Комитет охранения общей безопасности); 2) дворянские проекты и прошения по крепостному вопросу (Ф. 14. – Канцелярия Н.Н. Новосильцова; Ф. 1152 – Департамент государственной экономии Государственного Совета; Ф. 1553. – Ревизия Казанской губернии; Фонд 1167 – Комитет 6 декабря 1826 года).

В соответствии с особенностями используемых источников и обозначенной целью, результаты исследования последовательно представлены в двух взаимосвязанных разделах: 1. Сценарии освобождения крестьян: слухи и анонимные записки; 2. Крестьянский вопрос в текстах дворянских прошений и проектов.

Обсуждение

Внимание историков, исследовавших процесс формирования основных подходов к отмене крепостного права в России первой четверти XIX в. чаще всего привлекает правительственная политика и дворянские проекты¹. Обращение к материалам, позволяющим, хотя бы частично, реконструировать социальные ожидания, и связанные с ними практические действия, российского крестьянства затруднено особенностями источниковой базы². Отсутствие у большинства представителей данного сословия навыков чтения и письма существенно ограничивает возможность использования аутентичных источников, созданных самими крестьянами или, по меньшей мере, при их непосредственном участии. Частично заполнить этот пробел может обращение исследователя к текстам «прошений» и «жалоб», которые были написаны как лично крестьянином, так и по его просьбе различными «доверителями». Не меньший интерес представляют и показания крестьян по делам о распространении ими «опасных слухов». Информационная ценность такого рода документов состоит в том, что в них отражены представления крестьян о своем положении в системе внутри- и межсословных взаимоотношений, а также ожидания возможных изменений и связанные с ними конкретные действия.

Результаты

1. Сценарии освобождения крестьян: слухи и анонимные записки

Проведенный анализ содержания «недозволенных речений», слухов и записок выявил *два основных типа сценариев* ликвидации «рабства» крестьян. *Первый* из них был сформирован в связи с внешнеполитическими обстоятельствами и предполагал, что свобода крестьянам будет дана не российскими властями или помещиками, а в результате действий Наполеона. Именно такие настроения зафиксированы в архивных материалах, учрежденного 13 января 1807 г. особого «Комитета охранения общей безопасности». Так, например, кучер надворного советника Тузова А. Корнилов, распространял слухи о том, что «француз хочет взять Россию и сделать всех вольными», а Наполеон в письме к Александру I потребовал, «чтоб освободил всех крепостных», а иначе «война будет всегда» [10, л. 1, 13].

Поскольку культурные механизмы распространения слухов не предполагают каких-либо сословных или внутрисословных перегородок, их содержание достаточно быстро становилось

¹ См., например: [2; 3, с. 65–75, 119–136; 4, 5].

² На сегодняшний день существует ряд работ, посвященных изучению социально-политических представлений крестьян, однако в большинстве из них исследовательский интерес сфокусирован либо на общих особенностях крестьянского мировосприятия на протяжении достаточно длительного периода времени, либо на реконструкции мотивов и поведенческих стереотипов, проявлявшихся в условиях крестьянских бунтов и восстаний. См., например: [6; 7; 8; 9]

известным губернским властям. В данном контексте интересным является дело о крестьянине Афанасии Артемьеве, возбужденное по доносу губернского секретаря Гаврилы Колеухова, который в личном разговоре на постоялом дворе «открыл ему..., что де слухи происходят, яко французы заверяют чернь, что их в продолжающейся ныне войне не будут нималейше трогать, а только де будут истреблять господ помещиков, дабы облегчить чернь от притеснения и сделать одного государя, а то де в России оных много» [11, л. 7–8.]. Широкое «хождение» слухи о намерении французов освободить крестьян получили зимой 1807 г. в западных и северо-западных губерниях Российской империи и нередко дополнялись элементами национально-освободительного характера. О содержании и направленности такого рода слухов свидетельствует рапорт Лифлянского губернского прокурора Риземана министру внутренних дел В.П. Кочубею, в котором сообщалось, что живущий в мызе Куркунд крестьянин Ян Вейкюлла, находясь в Цитенгорской корчме, говорил «...французы отнюдь не суть наши (т.е. крестьянские) неприятели, а придут только сюда (в Лифляндию) чтоб здешних крестьян освободить от рабства, и что при подобном случае должно будет истребить в деревнях всех жительствовавших там немцев» [12, л. 3]. Конечно, национальная составляющая в «недозволенных речах» лифляндского крестьянина была обусловлена целым рядом социокультурных причин и исторически сложившихся обстоятельств. Все эти причины, безусловно, заслуживают отдельного рассмотрения. В рамках же настоящего исследования принципиально важным является сам факт существования сценария «внешнего освобождения» крестьян.

Аналогичные ожидания на уровне слухов и недозволенных речей возникали весной 1812 г. и в центральных губерниях Российской империи. Так, например, о распространении сценария «внешнего освобождения» свидетельствуют материалы следствия по делу о дворовых людях Афанасии Медведеве и Петре Иванове, которые в марте 1812 г. распространяли слухи о том, что «...Москву возьмут французы» и «...скоро все будут вольными, а помещики ж будут на жаловании» [13, л. 1–2.]. При этом А. Медведев, желая убедить следователей в своей невинности, утверждал, что он всего лишь передал Иванову содержание, услышанного им случайно на Ильинской улице, разговора десяти неизвестных людей.

В общем виде, основанием для появления сценария «внешнего освобождения» была информация о действиях Наполеона в отношении крестьян на занятых им территориях. Действительно, в созданном под протекторатом Наполеона и формально возглавляемом королем Фридрихом-Августом Герцогстве Варшавском, крестьяне получили личную свободу [14, с. 172]. И хотя юридически они не получили ни земельные участки, ни право собственности на жилые строения и сельский инвентарь, российские крестьяне приграничных губерний, не имея достоверной информации о действительном положении дел, воспринимали такую «свободу» как желанную перспективу, реализация которой возможна в результате внешнего завоевания.

Второй тип сценария освобождения, который прослеживается при сопоставлении содержания слухов и составленных от лица крестьян анонимных записок, предполагал *освобождение* крепостных и дворовых людей *по инициативе российского императора*. Особенно отчетливо ожидания освобождения крестьян по прямому указанию государя проявились весной 1815 г. В одном из секретных донесений из Москвы сообщалось, что под воздействием слухов об издании императором манифеста о даровании крестьянам свободы: «... мужики беспрестанно твердят, что они вольные и многие из деревень выезжают» [15, л. 4.]. Аналогичная ситуация сложилась и в Новгородской губернии: «...некоторые крестьяне совсем бунтуют и в послушание не идут, причина тому, ...что будто будет воля», объявление которой они «...с часу на час дожидают» [15, л. 4–4об.]. При этом в донесении местных властей подчеркивалась прямая связь произошедших в поведении крестьян изменений и распространяемых в округе слухов: «...до того слуху исправляли барщину, а ныне никто ничего, и кто хочет, идет на барщину, а кто не хочет сидит дома» [15, л. 4–4об.].

В распространении подобного рода слухов участвовали не только крестьяне и дворовые люди, но и представители так называемых «свободных состояний». Источником информации мог быть, например, приехавший из столицы офицер или мелкий чиновник. Именно такой вариант распространения слухов был изложен в рапорте из Нижнего Новгорода. Весной 1815 г. капитан гарнизонного батальона Любанский «привез известие о даровании всем помещичьим крестьянам вольности...», о чем, по его словам, был и «...Манифест читан в Санктпетербургском Казанском соборе» [15, л. 2–3.]. Уже через несколько дней после приезда дворовой человек капитана Любанского Александр Дмитриев «...рассказал сию новость недавно определенному в Казенную палату приказному», который поделился информацией с несколькими своими коллегами по службе. В результате местные власти вынуждены были констатировать: чиновники казенной палаты «...пустили означенные слухи далее так, что теперь весь город ими преисполнен, и подан способ в некоторых господских домах даже дворовым людям выводить из сего разные толки, могущия послужить нарушениям спокойствия» [15, л. 2–3.].

Содержательно, разнообразные слухи о возможном освобождении крестьян по инициативе государя описывали *два варианта* развития событий. *Первый вариант* – освобождение крепостных и дворовых людей посредством *перевода их в разряд государственных крестьян*. Так, например, по доносу полицейского Козлова, сын придворного истопника Гаврила Антонов в апреле 1812 г., покупая на Сенной рыбу, представился придворным офицером и призывал продавать ему товар дешевле,

«...ибо он объявит радостную весть, что по возвращении Государя, все крестьяне будут государственные» [16, л. 1]. Такой сценарий «освобождения от рабства» подразумевал переход на свободные государственные земли, а следовательно, исключение крестьян из числа владения помещиков и лишение их права наказывать поселян за незначительные правонарушения.

В некоторых случаях распространители слухов не ограничивались констатацией факта, а дополняли их суждениями о возможных последствиях перевода частновладельческих крестьян в разряд государственных. Утверждалось, что намерение императора лишить помещиков права полного распоряжения крестьянами неизбежно было вызывать ожесточенное сопротивление дворянства, вплоть до совершения очередного дворцового переворота. Одним из документов, подтверждающих существование такого рода опасений является донос коллежского регистратора Ивана Николаева, в котором сообщалось, что канцелярист Нижегородского земского суда Л. Снежицкий, «...пришедши в суд, пересказывал за новость слышанное им от неизвестного проезжавшего из Санктпетербурга человека о покушении дворянства на жизнь Его Императорского Величества за намерение отобрать от всех их крестьян в казенное ведомство» [15, л. 1–2]. По словам анонимного собеседника, «...покушение таковое удержано Его Императорским Высочеством Великим князем Константином Павловичем» [15, л. 1–2]. Таким образом воспроизводилась мифологема доброго царя-защитника народа, который, несмотря на нежелание помещиков освобождать крестьян, готов идти на открытый конфликт с помещиками.

Второй вариант сценария «освобождения по инициативе российского императора» во многом смягчал обозначенное противоречие между государем и помещиками. В соответствии с ним освобождение крестьян должно было сопровождаться *государственной компенсацией помещикам* в денежной форме всех потерь от утраты находившихся в их распоряжении работников.

Следует отметить, что идея о необходимости выплаты денежной компенсации помещикам была достаточно популярна, о чем свидетельствуют не только донесения о распространении представителями «нижних состояний» слухов, но и тексты всеподданнейших прошений, составленных от имени крестьян. Интересным примером такого документа является «подброшенное на высочайшее имя» весной 1807 г. анонимное прошение. В результате проведенного расследования было установлено, что оно составлено дворовыми людьми графа А.И. Безбородко Иваном, Осипом и Гордеем при активном участии коллежского секретаря Федора Дунаева, который «жил неподалеку... неоднократно с ними пивал, и по просьбам их писал к знакомым многие письма» [17, л. 12, 45]. В прошении от лица «бедных рабов господских» императору сообщалось, что крестьяне пришли в «отчаяние, и вскоре сделается бунт» [17, л. 109]. Эмоционально описывая бедственное положение крестьян, авторы взывали к самодержцу: «Умилосердитесь Батюшка наш Императорское Величество, докуда нам рабам господним и вашим верным подданным пропадать... Повелите... развести большие огни и велите нам всем броситься туда..., или, лучше всего, велите нас всех отдать в солдаты. Великая для нас радость, что все мы будем ваши, все государственные» [17, л. 109, 110]. По мере снижения эмоционального напряжения, в тексте прошения предлагался наиболее приемлемый, с точки зрения крестьян, вариант освобождения: «Даруйте вы господам нашим денежную сумму и положите им большое жалованье и пенсию, чтоб больше не было у них нас...» [17, л. 110]. В завершение небольшого по объему текста прошения (примерно 2,5 страницы рукописного текста), авторы предлагали ограничить право помещиков наказывать крестьян, и еще раз, отождествляя положение крепостных с положением «рабов», обращались к российскому самодержцу: «не оставьте наше императорское величество... господских бедных рабов» [17, л. 110]. В такой трактовке положение крепостных людей оценивалось негативно, без многочисленных оговорок и ссылок на конкретные обстоятельства или личные качества отдельного помещика, а исторически сложившаяся система личной зависимости крестьян могла быть уничтожена по инициативе монарха и при активном финансовом участии государства.

В целом, анализ содержания слухов и анонимных прошений по крепостному вопросу позволяет утверждать, что, вне зависимости от того, объявит ли о даровании «свободы» российский император, или она будет предоставлена в результате внешнего завоевания, крестьянин не испытывал иллюзий в отношении помещиков, и не ожидал, что инициатором отмены «рабства» может стать их законный владелец. Главный смысловой акцент делался на переходе крестьян под покровительство государя, который, безусловно, позаботился бы и о наделении их необходимым количеством пашенной земли. Именно поэтому на уровне слухов проблема наделения крестьян землей не являлась первостепенной и затрагивалась крайне редко. С этих позиций, подобного рода слухи отражали не только патерналистский характер ожиданий, но и отсутствие достоверной информации о том, что имевшиеся в распоряжении «казенного ведомства» земельные ресурсы, за исключением отдаленных территорий страны, были недостаточны для возможного переселения всех освобождаемых крепостных крестьян.

2. Крестьянский вопрос в текстах дворянских прошений и проектов

Вопреки ожиданиям императора Александра I, рассчитывавшего, что после издания указа 20 февраля 1803 г. помещики добровольно начнут освобождать крестьян, дворянство оказалось неготовым отказаться от использования подневольного труда крепостных. Основанием для возникновения у императора своеобразной «иллюзии готовности» наиболее просвещенных помещиков добровольно освобождать крестьян было всеподданнейшее прошение графа

С.П. Румянцева. В конце 1802 г. он заявил о желании отпустить 199 душ крепостных и предложил Александру I издать указ, в соответствии с которым инициатива личного освобождения земледельцев должна была бы исходить от помещика, а конкретные условия перехода «в особое состояние вольных хлебопашцев» фиксировались в предварительно согласованном с губернскими властями договоре [18, с. 45–48]. После обсуждения в Государственном Совете предложение С.П. Румянцева стало основой для указа 20 февраля 1803 г. [19, с. 783–788].

Однако сколько-нибудь масштабной поддержки в дворянских кругах инициатива С.П. Румянцева не получила: с момента издания указа и до декабря 1825 г., было заключено всего около 160 договоров, регламентировавших порядок освобождения крепостных с землей за соответствующее денежное вознаграждение¹. Такое положение, на мой взгляд, было обусловлено общим для всех категорий российских подданных представлением о доминирующей роли государства в решении сложных социально-экономических проблем. В сложившейся ситуации, большинство помещиков пассивно ожидало распоряжений верховной власти, и лишь некоторые из них проявляли инициативу в форме разного рода проектов и записок по крестьянскому вопросу.

Патерналистские интенции в подходе к решению крепостной проблемы отчетливо прослеживаются при сопоставлении основных «сценариев» освобождения, циркулировавших на уровне слухов, и содержания проектов, официально представленных помещиками Александру I. Практически все описанные выше варианты, за исключением, конечно, «сценария внешнего освобождения», можно обнаружить в текстах дворянских проектов и прошений.

Первый вариант – освобождение крестьян с последующим переводом на государственные земли, хотя и не рассматривался в качестве основного для решения крепостного вопроса в масштабе всей страны, но достаточно часто встречается в индивидуальных прошениях помещиков. Сопоставление содержания подобных обращений показывает, что помещики, предлагая переселять крестьян на «казенные земли», предпочитали «сценарий» безземельного освобождения крестьян за выкуп. Именно таким образом, Таврический помещик штабс-капитан Каховский освободил 328 крестьян без земли за выкуп с рассрочкой платежа на три года, и последующим переселением их на земли принадлежащие государству [24, л. 5.]. Аналогичный вариант освобождения был реализован действительным тайным советником В.С. Поповым: «на вечно без земли» освобождалось 1503 человека, с условием, что каждый должен был в течение года заплатить по 150 руб., а после завершения выкупной операции обязан был перейти на казенные земли².

Однако при внешнем сходстве слухов об освобождении крестьян посредством перевода в разряд государственных и подаваемых на высочайшее имя дворянских прошений, между ними существовало принципиальное различие. Как правило, в «недозволенных речах» вопрос о судьбе помещичьей земли не затрагивался, а переход означал лишь изменение субъекта властвования. Вместо непредсказуемого помещика, поведение которого зависело от настроения или личных представлений о способах наказания, крестьянин получал покровительство государства, как структуры более стабильной и последовательной в своих практических действиях. Для помещика же переход крестьян в разряд государственных был неразрывно связан с вопросом о сохранении собственности на землю и получения денежной компенсации за утрату работников. В данном контексте показательно, что почти все будущие декабристы, например, первоначально высказывались за освобождение крепостных крестьян при условии, что земля оставалась бы собственностью помещика [22, с. 180].

Второй вариант сценария освобождения по инициативе самодержца и при финансовом участии государства также присутствовал в дворянских проектах. Так, например, освободить крепостных по инициативе государства, которое постепенно выкупало бы у помещиков крестьян с землей по ценам каждой конкретной местности (из расчета 2 десятины на одну «ревизскую душу»), предложил в феврале 1818 г. граф А. А. Аракчеев [26, с.160–163]. Финансовые средства на проведение выкупной операции он предлагал получить за счет ежегодных отчислений с питейного сбора и выпуска 5 %-х облигаций государственного займа. Данный проект был одобрен императором Александром I, но его реализация была затруднена в связи несоразмерностью доходов от предлагаемых источников финансирования крестьянской реформы и общей суммы компенсационных выплат помещику [23, с.102–103].

Еще одним принципиально важным отличием слухов от дворянских проектов – скорость предполагаемых социальных изменений. На уровне слухов, анонимных писем и воззваний никогда не обозначалась точная дата, но утверждалось, что «дарование вольности» произойдет в ближайшее время. В дворянских проектах же процесс освобождения представлялся более длительным, требующим протяженного во времени подготовительного этапа, в ходе которого крестьянин должен был приобрести необходимые навыки и способности. В данном контексте в дворянских проектах, на мой взгляд, был представлен еще один сценарий решений крепостного вопроса – «сценарий отложенного освобождения».

¹ Общее количество освобожденных крестьян составляло 47153 «души мужского пола. См. подробнее: [20, с. 63–79; 21, с. 57–68; 22, с. 177; 23, с. 73.

² 50 человек были освобождены без платы, см.: [25, л.3–3об.].

Ярким примером существования в сознании помещиков подобного алгоритма является записка Н. С. Мордвинова «Одна из мер освобождения крестьян от зависимости, и с оною возбуждения народной деятельности» [27, л. 1–6]. Одномоментное уничтожение крепостного права, по мнению автора записки, было затруднено, тем, что крестьянин не имел навыков свободного труда и не обладал собственностью. Отсутствие опыта «свободного» ведения хозяйства рассматривалось в качестве главной причины необходимости длительного периода подготовки крестьянской реформы. По словам Мордвинова, «народу, пребывающему века без знания гражданской свободы, даровать оную изречением на то воли Властителя возможно, но знания пользоваться ею во благо себе и обществу даровать законоположением невозможно» [27, л. 2]. В представленном на Высочайшее имя проекте Н.С. Мордвинов предложил установить прогрессивную шкалу для определения размера денежной компенсации помещику за потерю рабочих рук в зависимости от возраста и трудоспособности каждого крестьянина: дети до 2 лет и крестьяне старше 60 лет освобождались бесплатно; от 2 до 5 лет общая сумма выплат составляла бы 100 руб.; 5–10 лет – 200 руб.; 10–15 лет – 400 р.; 15–20 лет – 600 руб.; 20–30 лет – 1500 руб.; 30–40 лет – 2000 руб.; 40–50 лет – 1000 руб.; 50–60 лет – 500 руб. [27, л. 6]. Установление высоких выкупных платежей привело бы к тому, что первыми освободились наиболее предприимчивые крестьяне. Таким образом, по словам Н.С. Мордвинова, свобода «...представляется в виде награды трудолюбию и приобретаемому умом достатку» [27, л. 2].

В дворянских проектах, так или иначе затрагивавших положение крепостных крестьян, центральными категориями, с помощью которых происходило обоснование необходимости постепенного их освобождения, были понятия «польза» и «просвещение». В идеале наиболее приемлемой моделью было избирательное освобождение крестьян по мере их «просвещения», а следовательно, способности приносить «пользу» не только своим семьям, но и российской экономике в целом. Именно поэтому, даже в проектах, авторы которых не ставили перед собой цель разработать предложения по освобождению крестьян, а главные свои усилия направляли на решение сугубо практических задач, предоставление «вольности» наиболее трудолюбивым и грамотным работникам рассматривалось как необходимое условие экономического развития. Одним из таких проектов является записка барона Фридрикса «Предначертание практической сельскохозяйственной школы во всех частях для воспитания искусных и образованных управителей» [28, л. 6–190б.]. По мнению автора, главная проблема, сдерживающая развитие сельского хозяйства в России – отсутствие квалифицированных приказчиков и управляющих дворянскими имениями. Анализируя сложившееся к началу XIX в. положение, он констатировал, что в большинстве случаев управляющими работают люди, не имевшие необходимых знаний и практических навыков работы с землей. Выход из сложившегося положения – создание при финансовом участии государства практической сельскохозяйственной школы, главной целью которой была бы подготовка квалифицированных управляющих из числа как государственных, так и частновладельческих крестьян. После шести лет обучения выпускники «практической сельскохозяйственной школы» обязаны были в течение восьми лет отработать в качестве «управителей в деревне». В случае, если крестьянин по истечении указанного срока заслужил положительные характеристики от собственника имения, он «...получит уже совершенную свободу» [28, л. 6–140б.]. Таким образом крестьянин, приобретая необходимые ему навыки свободного труда, становился «полезным» для общества и переходил в новое «свободное состояние».

Освобождение крестьян посредством постепенного перехода в «новое состояние» рассматривалось в качестве одного из вариантов решения крепостного вопроса не только в отношении так называемых «землепашцев», но так же и тех, кто трудился на фабриках и заводах. Например, летом 1805 г. в Государственном Совете рассматривался проект графа В.П. Кочубея о переводе фабрично-заводских крестьян в «новое состояние свободных мастеровых». По проекту все приобретенные для работы на заводах и фабриках крестьяне по истечении 18 лет становились бы свободными [29, л. 97–98]. Аргументируя свою позицию, В.П. Кочубей подчеркивал, что реализация данного предложения одновременно позволит освободить крестьян, и будет способствовать развитию отечественной промышленности за счет появления в России рынка вольнонаемной рабочей силы [29, л. 97].

Заключение

Содержательно, выявленные в результате сопоставления слухов, записок и проектов по крестьянскому вопросу «сценарии» освобождения позволяют констатировать, что в общественном сознании не сложилось конвенционального соглашения по вопросу о способах и темпах упразднения личной зависимости крестьян. Представленные в различных формах коммуникативной практики ожидания и тревоги, связанные с возможными изменениями в положении значительной части населения, были обращены не к помещикам или местным властям, а к верховной власти, которая должна была учесть интересы всех заинтересованных сторон. Такая модель могла иметь несколько вариаций, и в отдельных случаях, допускала даже сценарий «внешнего освобождения», но вне зависимости от конкретных механизмов предоставления крестьянам личной свободы, она

последовательно воспроизводила патерналистский стереотип о роли государства в решении сколь угодно значимых социально-экономических проблем.

Однако обозначенная на уровне слухов, прошений и проектов общность патерналистских установок не предполагала унификации поведенческих моделей. В сложившихся условиях, ожидая активные действия со стороны государства, представители даже одной социальной страты придерживались разнонаправленных стратегий поведения. Так, например, одна часть дворянства, удовлетворяя потребность в самореализации и руководствуясь представлениями о долге гражданина и принципах христианской морали, предлагала проекты освобождения крепостных. Другая часть «благородного сословия», преследуя сугубо утилитарные цели, обращалась с жалобами на решения о различных инстанциях об освобождении отдельных крестьян и «взятии имения в опеку», или продавала своих дворовых людей лицам недворянского происхождения. Как правило, незаконная продажа совершалась под прикрытием перехода крепостного по «верющим письмам» в «услужение», «учение» или «на воспитание». Даже несмотря на официальный запрет, нарушение которого влекло за собой наложение на помещика денежного взыскания в размере от 200 до 500 руб. и принудительное освобождение работников [30, с. 906–908], помещики каждые пять лет составляли новые «прокормежные и плакатные паспорта», «верющие письма» или контракты на «учение крестьян». В результате, отданные «в услужение» или «учение» крестьяне, могли находиться в полной власти лиц недворянского происхождения несколько десятилетий подряд, и полностью утрачивали какую бы то ни было связь с законным владельцем [31, л.5].

Однако такое положение было бы невозможно без наличия устойчивого спроса на «подневольных работников», который формировали представители других социальных групп, обладавшие необходимыми для совершения подобных сделок финансовыми ресурсами. Особенно часто попытки присвоения права обладания крепостными людьми предпринимали состоятельные купцы и так называемые «разночинцы», которые после издания указа 12 декабря 1801 г. имели право покупки лишь пустующих земель, но не могли владеть крепостными людьми. Для них использование труда крестьян и дворовых людей было, скорее всего, не столько инструментом получения прибыли, сколько наглядным показателем их состоятельности, своеобразной попыткой «сближения» с труднодостижимым статусом потомственного дворянина, главной привилегией которого было право обладания «крещеной собственностью».

Таким образом, отсутствие конвенционального соглашения о конкретных механизмах освобождения осложнялось разнонаправленностью практических действий российских подданных. Все это существенно тормозило реализацию любых, даже самых реалистичных и тщательно разработанных проектов освобождения и, наряду с целым рядом внешнеполитических факторов, обусловило нерешительность верховной власти провести связанные с отменой крепостного права социальные трансформации.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект №14-18-01873.

Примечания:

1. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
2. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888.
3. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989.
4. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX века. В 2 т. Липецк, 2006.
5. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск: Пирс, 2006.
6. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977.
7. Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1994.
8. Бокарев Ю.П. Бунт и смирение (крестьянский менталитет и его роль в крестьянских движениях) // Менталитет и аграрное развитие (XIX–XX век). М., 1996.
9. Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1807. Д. 4.
11. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1807. Д. 18.
12. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1807. Д. 23.
13. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1812. Д. 1.
14. Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982.
15. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1815. Д. 2.
16. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1812. Д. 4.
17. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI, 1807. Д. 69.

18. Румянцев С.П. Записка, поданная государю о вольных земледельцах // *Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII – первой четверти XIX века. Сборник документов / Под редакцией А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2002.*
19. Журнал заседания Общего собрания Совета 12 января 1805 г. // *Архив Государственного Совета. Т. III. Царствование императора Александра I (1801–1810). СПб., 1878.*
20. Бирюкович В.В. Судьба указа «О вольных хлебопашцах» в царствование Александра I // *Архив истории труда в России. ПТг., 1921. Кн. I.*
21. Сергеева Н.И. Анализ количественных показателей действия указа о свободных хлебопашцах // *Вопросы истории России XIX – нач. XX вв. Л., 1983.*
22. Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России. М., 2003.
23. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989.
24. РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. 1812. Д. 103.
25. РГИА. Ф. 1151. Оп. 1, 1812. Д. 103.
26. Записка о проекте А.А. Аракчеева по освобождению крестьян (1818) // *Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII – первой четверти XIX века. Сборник документов / Под редакцией А.Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2002.*
27. РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 34.
28. РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27.
29. РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Т. I, 1811. Д. 140.
30. Полное собрание законов российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXXVIII, 1823. № 29.416.
31. РГИА. Ф. 1553. Оп. 1. Д. 177.

References:

1. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. SPb., 1830.
2. Semevskii V. The peasant question in Russia XVIII and the first half of the XIX century, St. Petersburg., 1888.
3. Mironenko S.V. Autocracy and reform: political struggle in Russia at the beginning of the XIX century. M., 1989.
4. Dolgikh A. N. The peasant question in the domestic politics of the Russian autocracy at the end of XVIII - the first quarter of the XIX century. 2 v. - Lipetsk, 2006.
5. Timofeev D.V. European ideas in Russia: the perception of the government's liberal elite in the first quarter of the XIX century. Chelyabinsk: Pierce, 2006.
6. Klibanov A. People's social utopia in Russia. During the feudal period. M., 1977.
7. Usenko O.G. Psychology of social protest in Russia XVII-XVIII centuries. Tver, 1994.
8. Bokarev Y.P. Rebellion and humility (peasant mentality and its role in the peasant movement) // *mentality and Rural Development (XIX-XX centuries), Moscow, 1996.*
9. Gromyko M., Baganov A. About the views of the Russian people. M., 2000.
10. Russian State Historical Archives (RSHA). F. 1163. Op. 1. Т. XVI., 1807. D. 4.
11. RSHA. F. 1163. Op. 1. Т. XVI., 1807. D. 18.
12. RSHA. F. 1163. Op. 1. Т. XVI., 1807. D. 23.
13. RSHA. F. 1163. Op. 1. Т. XVI., 1812. D. 1.
14. Minaeva N.V. Government constitutionalism and progressive public opinion in Russia at the beginning of the XIX century. Saratov, 1982.
15. RSHA. F. 1163. Op. 1. Т. XVI., 1815. D. 2.
16. RSHA. F. 1163. Op. 1. Т. XVI., 1812. D. 4.
17. RSHA. F. 1163. Op. 1. Т. XVI, 1807. D. 69.
18. Romyantsev S.P. Note filed emperor about the free agriculturists // *Nobility projects solving the peasant question in Russia at the end of the first quarter XVIII–XIX century. Collection of documents. Lipetsk: LGPU, 2002.*
19. Journal of the session of the General Assembly of the Council of 12 January 1805 // *Archive of the State Council. Т. III. The reign of Emperor Alexander I (1801-1810). SPb., 1878.*
20. Biryukovich V. Fate of the decree "On the free cultivators" in the reign of Alexander I // *Archive of labor history in Russia. PTg., 1921. Pr. I.*
21. Sergeeva N. Quantitative analysis of the action of the decree on free farmers // *Questions of history of Russia XIX - beg. Twentieth centuries. L., 1983.*
22. Gotye Y. Essay on the history of land ownership in Russia. M., 2003.
23. Mironenko S.V. The Autocracy and reform: political struggle in Russia at the beginning of the XIX century. M., 1989.
24. RSHA. F. 1151. Op. 1. 1812. D. 103.
25. RSHA. F. 1151. Op. 1, 1812. D. 103.

26. Note on draft AA Arakcheev on the liberation of the peasants (1818) // Nobility projects solving the peasant question in Russia at the end of the first quarter XVIII–XIX century. Collection of documents. Lipetsk: LGPU, 2002.

27. RSHA. F. 1167. Op. 1. T. XVI. D. 34.

28. RSHA. F. 14. Op. 1. D. 27.

29. RSHA. F. 1152. Op. 1. T. I, 1811. D. 140.

30. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. SPb., 1830. Vol. XXXVIII, 1823. № 29.416.

31. RSHA. F. 1553. Op. 1. D. 177.

УДК 947.072

Сценарии освобождения крестьян в России первой четверти XIX века в отражении слухов, прошений и дворянских проектов

Дмитрий Владимирович Тимофеев

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Уральский федеральный университет, Российская Федерация

620075, Свердловская область, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

Доктор исторических наук, доцент

Ведущий научный сотрудник

E-mail: dmitrtim@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов представлены основные «сценарии» освобождения крестьян в первой четверти XIX в. В результате сравнительного анализа материалов следствия по делам о распространении «недозволенных речей», доносов, записок и проектов, выявлены следующие варианты решения крепостного вопроса: сценарий «внешнего освобождения», «освобождение по инициативе российского императора» посредством перевода крестьян на государственные земли и выплаты денежной компенсации; освобождение с переходом в «новое состояние», сценарий «отложенного освобождения». Сравнительный анализ сюжетов о роли государства, темпах и условиях предоставления крестьянам свободы, позволил сделать вывод о существовании в сознании российских подданных общности патерналистских установок. Ожидание инициативы со стороны государства не только существенно замедляло процесс разработки реформы, но и способствовало формированию прямо противоположных моделей поведения, нацеленных на использование подневольного труда.

Ключевые слова: крестьянский вопрос в России; история России первой четверти XIX века; проекты отмены крепостного права; слухи; реформы в России XIX века; история общественной мысли.